

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ДЕТСКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ (ДО XX в.)

SOCIAL ESSENCE OF INFANTILE BIRTH-RATE IN THE HISTORY OF SOCIAL THOUGHT (BEFORE XXth CENTURY)

Рассматривается понимание сущности деторождения как социально-исторического феномена в развитии общественной мысли XX века.

Ключевые слова: детская рождаемость, брак, семья, социальный феномен, сущность, общественная мысль, история.

The conceptions of child-bearing as social-historical phenomenon are considered in the development of social thought.

Keywords: infantile birth-rate, wedlock, family, social phenomenon, essence, social thought, lock, history.

Детская рождаемость является одним из самых значимых явлений общественной жизни, которое имеет множество различных аспектов: биологические, экономические, социологические, психологические, этнографические, медицинские и другие. Рождаемость является основным условием воспроизводства трудовых и интеллектуальных ресурсов общества. Но в первую очередь рождаемость – это социальный феномен.

Выявление социальной сущности детской рождаемости в её общественно-исторической обусловленности приобретает перспективное значение для решения многих проблем, в том числе и для разработки основ управления этим общественным процессом.

Поэтому рождаемость как жизненно необходимый социально-исторический феномен требует самого пристального изучения и анализа.

Однако различные аспекты проблемы детской рождаемости в истории общественной мысли исследуются крайне редко и фрагментарно, предметных исследований по данной тематике практически нет.

Феномен детской рождаемости, как непереносимого условия жизни людей, своими корнями уходит вглубь веков и тысячелетий человеческой эволюции. Люди никогда не спрашивали

себя, когда возникла деторождаемость, справедливо полагая, что она была всегда. По мере общественного развития менялись люди, другими делались уклад их жизни, их психология. В процессе этого формировались понятия людей о социальном значении детской рождаемости, ее регулировании, формах и методах управления этим общественным процессом.

Первое зафиксированное представление о феномене деторождения относится к **эпохе ранней человеческой истории**, к аккадскому «Эпосу о Гильгамеше», сложенному в XXIII–XXI веках до нашей эры. В те времена, как пишет исследователь эпоса И.М. Дьяконов, *«акт рождения был священен – шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны»*. И далее: *«вождь, правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой»*. Иначе говоря, количество рождённых вождём детей считалось одной из его высших доблестей.

Уже в **Древнем мире** прослеживаются несколько направлений понимания социальной сущности деторождения.

Среди мыслителей Древней Греции, начиная с Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.), при характеристике *места деторождения в брачных отношениях и любви* было широко распространено мнение, что женщина в браке являлась не столько

¹ Кандидат социологических наук, старший преподаватель факультета гуманитарных технологий АНО ВО «Российский новый университет».

субъектом любви, сколько средством деторождения, в чем видится весьма одностороннее отношение к женщине.

В сознании людей этой эпохи *деторождение неразрывно связывалось с идеей бессмертия и вечности*. В речи Сократа (ок. 469–399 до н.э.) «Цель Эроса – овладение благом» читаем: «У животных так же как и у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь она этого может только одним путём – порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого».

Деторождение рассматривается им так же, как путь к бессмертной славе о добродетели; *деторождение ассоциируется с понятием добродетели*. При этом подчёркивается, что чем люди достойнее, тем больше они делают добродетели.

Оригинальные мысли *о связи деторождения с окружающей средой* содержатся в древневосточной философии. «Человек рождается чистым, – утверждала древнекитайская «Книга ритуалов» («Книга установлений») Ли Цзы (IV–I вв. до н.э.), – в этом дарованная ему небом натура. Сталкиваясь с окружающим миром, его натура приходит в движение». «Когда человек изменяется под воздействием окружающего мира, – говорится далее в книге Ли Цзы, – в нём погибают дарованные ему небом качества, и он истощает себя в желаниях, включая рождение детей. Вот тогда-то и рождаются чувства непокорности и бунта, притворства и обмана, творятся всякие непристойные дела и устраиваются беспорядки».

Итак, рождая детей, люди осуществляют свою жажду бессмертия, оставляя новое вместо старого, здесь смена, здесь вечность в смене. И при всём негативном отношении к женщине они добродетельны в продлении своего рода даже в неблагоприятных условиях окружающей среды.

В развитии человеческой культуры на смену Античности пришла **средневековая эпоха христианства**. Главным вкладом христианства в человеческую культуру явился идеал всеобъемлющей любви как основы человеческого бытия.

Феномен деторождения приобретает качественно иное содержание, новое, до той поры неведомое, нравственное звучание. Центральной идеей христианского социального мышления становится Божественное происхождение человека: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт 1, 27). С утверждением в сознании общества христианства *рождение человека стало рассматриваться как Божий промысел, Божья воля*. Это обстоя-

тельство поднимало феномен деторождения на небывалую духовную и нравственную высоту, возвышало его роль и значение в жизни человеческого общества в сравнении с эпохой Античности.

С наступлением христианской эпохи происходит духовное *упрочение семейно-брачных отношений для последующего деторождения*. Брачный союз между мужчиной и женщиной рассматривается теперь как Таинство, установленное Самим Творцом в раю после создания первых людей, которых Господь благословил словами: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт 1, 28). При освящении брака благословляются супружеский союз и верность между женихом и невестой, «испрашивается им благодать чистого единодушия для благословенного рождения и христианского воспитания детей».

Гуманность, милосердие, сострадание, любовь к людям – вот область чувств и нравственных принципов, открытая христианством и поставленная им *в основу подходов к деторождению как социальному явлению*. Особенно много о гуманном отношении к человеку и рождённым детям писал Лактанций (ок. 250 – ок. 325). Как и его предшественники, он не устаёт обвинять римлян в жестокости – и за то, что они выбрасывают своих «лишних» детей на улицу, и за несправедливые суды, и особенно – за жестокие зрелища.

Величайший из Отцов древней церкви христианского Запада Аврелий Августин (354–430), сохраняет веру в силу человеческой личности, стремится к истине и добру. Он любит человека и невольно зовет его к работе во имя идеала, к продолжению рода, вселяет надежду на успех.

Осуждая испорченность человеческой природы вследствие непослушания Богу, он одновременно считает, что *«через деторождение в браке продолжается человеческий род»*. То, что люди «в супружестве совершают с целью продолжения рода, является благом брака», и это следует прославлять; «однако то же самое до бракосочетания скрывается, так как является постыдным пороком похоти».

Иную позицию разделяли Максим Исповедник (VII в.) и богословы позднего Средневековья (Григорий Палама – XIV в., Николай Кавасила – XIV в. и др.), для которых цель жизни родившегося христианина – слияние с Богом, равно обладание Им, мистическое познание Его, а, по существу, растворение человека в Боге. В рамках идей аскетизма всё мирское, земное объявлялось делом греховным. Смысл существования челове-

ка – в духовной любви. Поэтому нередко и сама плотская любовь, и *факт деторождения оценивались как нечто нечистое, грязное, противное любви к Богу, не совместимое со служением Ему*. Ужесточается борьба Церкви с мирскими мыслями и делами верующих.

Средневековая эпоха с ее инквизицией и межрелигиозными войнами, эксплуатацией и беззаконием мало способствовала росту детской рождаемости. И дело не только в сложности социально-политической жизни. В эпоху Средневековья, как отмечал Н.А. Бердяев, «христианство создало конфликт между личностью и рождающим полом». Возникшее противоречие, по мнению В.В. Розанова, означало смещение фокуса христианства с ветхозаветного принципа размножения на новозаветную идею аскезы и ограничения чувственности. Иными словами, христианство проклинали половой акт и благословляло его последствия – деторождение, тем самым оправдывая семью и брак как условие продолжения рода. Рождение детей было оправданием и очищением греховных интимных отношений супругов, признанием благочестивости брака.

Традиционное христианское учение о любви было исключительно учением о родовой, рождающей любви, личный смысл которой объявлялся безнравственным.

Чрезвычайно важную роль христианство сыграло **на Руси**, привнеся новый взгляд на процесс деторождения, за которым стояла необходимость постоянного воспроизводства работников в многотрудном крестьянском хозяйстве. Ребёнок воспринимался таким же носителем образа и подобия Бога, как и взрослый.

Рождение и воспитание детей считалось одной из главнейших целей брака, великой радостью, поэтому и отношение родителей к своим чадам должно быть подобно отношению Бога к людям и основываться на любви. Дети даются Богом родителям на воспитание, которые являются ответственными за это воспитание перед Богом. Основную причину бездетности при отсутствии видимых нарушений здоровья видели в наказании Божьем за свои грехи и даже за грехи родителей.

Таким образом, средневековая христианская культура, продолжая и развивая многие античные традиции понимания социальной сущности деторождения, сделала новый, хотя и неоднозначный, шаг на пути изучения этого сложнейшего феномена человеческого бытия. Христианские мыслители усматривали в деторождении важнейший и универсальный принцип суще-

ствования и развития человеческого общества, основ его духовного и жизненного бытия. В то же время нельзя отрицать и того, что в христианском учении о любви, деторождении нередко верх брали подходы ортодоксальные, а по существу – антигуманные. Нравственная любовь к Богу противопоставлялась безнравственной любви между людьми, если последняя не была связана с деторождением.

В гуманистическую эпоху Возрождения тема деторождения получила новое звучание в условиях начавшейся секуляризации, которая пробудила общий острый интерес ко всему земному и человеческому, высвобождавшемуся из-под религиозного влияния и контроля Церкви.

В философских построениях М. Фичино, Э. Роттердамского, М. Монтеня и других в центр мировоззрения поставлены не Бог, но человек, который полон сил и в гармоничном мироустройстве соединён со всеми прочими частями космоса могучими связями любви и деторождения. Призыв «до известной степени подчиняться простым велениям природы, но не отдаваться полностью её власти, ибо руководить нашими способностями призван только разум» нашёл своё широкое отражение в социальных подходах к детской рождаемости.

Как *естественный закон* рассматривает М. Монтень (1533–1592) *любовь родителей к своему рождаемому потомству*, которую «природа как бы предписала... нам с целью содействовать дальнейшему плодотворному развитию вселенной...» Каждый из нас, продолжает М. Монтень, до известной степени вкладывает себя в своё творение, тем самым делает добро, совершает прекрасный и благородный поступок.

Во взглядах М. Монтеня *тесно увязаны рождение и последующее формирование личности*. «Мы, – писал он в своих «Опытах», – любим наших детей по той простой причине, что они рождены нами, и называем их нашим вторым Я...» Достоинства детей, заключает автор «Опытов», гораздо ярче представляют и отражают нас, чем физическое наше потомство.

М. Монтень одним из первых мыслителей раскрывает *социально-экономическую сущность брака как основы деторождения*. Для него «брак – священный и благочестивый союз, ... основная цель такого союза – деторождение...» Что бы ни говорили, подчёркивает М. Монтень, женятся не для себя, а ради потомства, ради семьи. От полезности и выгоды нашего брака будет зависеть благоденствие наших потомков долгое время после того, как нас больше не станет.

Нетрудно заметить, что во взглядах М. Монтеня, по существу, формируются первые представления о браке и деторождении будущего буржуазного общества.

Весьма оригинальными на социальную сущность деторождения были взгляды представителей **утопического социализма**. В поисках справедливого жизнеустройства мыслители-социалисты XVI–XVII вв. Т. Мор, Т. Кампанелла и др. стремились дать ответ на вопросы, которые остро стояли перед человечеством, в том числе и о роли деторождения.

В трактате «Утопия» (1516) Т. Мора (1478–1535) с ликвидацией частной (и даже личной) собственности *деторождающая семья* в обществе обобществленного быта *организована* не столько на родственных, сколько на *производственных началах*.

Предлагая ликвидировать институт семьи как источник стремления к частной собственности, которая является причиной социального неравенства, в «Городе солнца» (1623) Т. Кампанелла опирается на селекционный подход к деторождению. Мужчины и женщины являются общими, а исключительное право определять, кому от кого зачинать детей, принадлежит «начальникам», чей интерес – наилучшее потомство вопреки тем, которые, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегают в то же время породой человеческой. Производство потомства должно стать общественной функцией, и такой же функцией надо считать воспитание детей.

Нет сомнения в том, что во взглядах Т. Мора и Т. Кампанеллы прослеживается будущее тоталитарное представление не только об обществе в целом, но и о социальной сущности таких понятий, как любовь, брак, деторождение. Однако представления основоположников утопического социализма нашли своё отражение во взглядах более поздних социологов и философов различных направлений.

Составной частью эпохи Нового времени, продолжением эпохи Возрождения и гуманизма стала **эпоха Просвещения**.

Основанные на стремлении утвердить на Земле «царство разума», гармонию интересов свободного индивида и справедливого общества, новые подходы к деторождению, месту и значению любви, брака, семьи, общества содержатся в творчестве выдающихся философов-просветителей.

Так, Й. Гёррес (1776–1848) с позиций своего католически-либерального мирозерцания считал, что «природа поступила мудро, *связав*

благополучие и сохранение человечества с производством последующего поколения людей».

И. Кант (1724–1804) рассматривал брак с последующим деторождением лишь как вариант обоюдных обязанностей супругов при заключении соответствующей юридической сделки. Только *юридическое узаконение рождения детей в браке*, происходящее при его официальном заключении, по мнению И. Канта, *превращает чисто животное в собственно человеческое*.

Трезвых и расчётливых выкладок И. Канта не принял И.Г. Фихте (1762–1814), но позиция его весьма жёсткая, суровая: брак и любовь, конечно, не одно и то же, утверждает Фихте, *однако не должно быть брака с детьми без любви и любви с детьми без брака*.

Отношения мужа и жены Г. Гегель (1770–1831) относит к отношениям природным, но не нравственным. *Действительно нравственными они становятся только через наличие детей*. Только тогда половые и возрастные связи окрашиваются чувствами взаимного благоговения и умиления. Брак с последующим рождением детей, по мнению Гегеля, призван поднять отношения между полами на уровень нравственно «сознающей себя любви».

Во **второй половине XIX века** широкое звучание приобрела работа Ф. Энгельса (1820–1895) «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Проблему детской рождаемости Ф. Энгельс рассматривает исходя из марксистской теории революционного перехода к обществу социальной справедливости.

Исследуя эволюцию семейных структур, Энгельс отмечает, что муж захватил бразды правления, а *жена была превращена* в рабу его желаний, *в простое орудие деторождения*, поскольку с возникновением частной собственности произошла замена материнского права на отцовское право, чтобы изменить порядок наследования в пользу детей.

«С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. ...*Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом независимо от того, будут ли они брачными или внебрачными*». Так Ф. Энгельс прогнозирует развитие семьи и положение детей в обществе будущего.

Очень интересными были в этот период взгляды на деторождаемость русского религиозного мыслителя-космиста Н.Ф. Фёдорова (1829–1903). По его мнению, *человек и мир чисты* только в его источнике, *в его детстве*.

В своей работе «Философия общего дела» он

критиковал западноевропейскую позицию того времени, которая «признаёт брак союзом не для деторождения, а для наслаждения», поскольку *отделение сближения полов от рождения хотя и не уничтожает рождения совершенно, приводит, однако, к вырождению и вымиранию*. В вечном круговороте рождений и смертей утрачивается человеческая свобода.

Прогресс брака, считал Н.Ф. Фёдоров, состоит в постепенном уменьшении чувственной любви, когда сознание и действие заменят рождение, а также в *международных брачных союзах*, которые столько же *необходимы для предупреждения вырождения*, как и для предупреждения войн.

Современная эпоха не внесла сколь-нибудь новых подходов к детской рождаемости как социальному феномену. Однако своего последующего осмысления еще требует общая тенденция к сокращению рождаемости в условиях исторических потрясений XX–XXI вв., вызванных революциями, гражданскими, локальными и мировыми войнами.

Таким образом, даже небольшой экскурс в историю общественной мысли по проблеме детской рождаемости позволяет сказать, что в развитии общественной мысли изучение этого социального феномена через понятия любви, взаимоотношений полов, гуманизма, семейно-брачных отношений не являлось процессом линейным, однонаправленным. На протяжении всех эпох человеческой истории шла борьба различных тенденций в подходе к детской рож-

даемости: гуманных и антигуманных, демократических и тоталитарных, прогрессивных и реакционных и т.п. Это противоборство двух направлений остаётся актуальным и по сей день.

Литература

1. Дьяконов И.М. Эпос о Гильгамеше. – СПб. : Наука, 2012.
2. Платон : собр. соч. в 4 т. – Том 1. – М. : Мысль, 1990.
3. Древнекитайская философия : собр. текстов в 2 т. – М. : Мысль, 1973. – Т. 2.
4. Философия любви : в 2 т. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 1.
5. Монтень М. Опыты : в 3 кн. – М. : Наука, 1979. – Кн. 1–2.
6. Гегель Г.В.Ф. Собр. соч. в 14 т. – Том 7. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1934.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 21.
8. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. – М. : Мысль, 1982.
9. Мышинников И.А. Проблема преемственности взглядов на семейные отношения у славян после принятия христианства / И.А. Мышинников // Вопросы исторической науки : материалы III Международной научной конференции (г. Москва, январь 2015 г.). – М. : Буки-Веди, 2015. – С. 102–106.